

**ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ
В ПОВЕСТИ АНДРЕЯ БЕЛОГО «КОТИК ЛЕТАЕВ»**

*Е.М. Болдырева,
доктор филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского,
e-mail: e71mih@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу своеобразия категории памяти в автобиографической повести А.Белого «Котик Летаев». Память в художественном мире А.Белого рассматривается как феномен «дотелесной» жизни автобиографического субъекта, стремящегося преодолеть рационализм взрослого восприятия и вернуться в пространство «памяти о памяти», состояние «райского праязыка». В центре внимания автора – анализ стремления автобиографического субъекта А.Белого вернуть «утраченный рай» как органический синтез памяти, языка и музыки.

Ключевые слова: категория памяти, автобиографический текст, праязык, внутренняя форма слова, ритм памяти, возвращение «утраченного рая».

**MAN IN SPACE MEMORY
IN THE STORY OF ANDREI BELY "KOTIK LETAEV"**

*Е.М. Boldyreva
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky*

Abstract. The article is devoted to the analysis of identity categories of memory in the autobiographical novel by A. Bely "Kotik Letaev." Memory in the art world A. Bely is considered as the phenomenon of "dotelesnoy" life autobiographical subject, seeking to overcome the rationalism of the adult perception and back into the space of "memory of a memory", "Proto paradise." The author focuses on the analysis of the aspirations of the autobiographical subject A. Bely return "Paradise lost" as organic synthesis memory, language and music.

Keywords: memory, autobiographical text, proto, the inner form of the word, the rhythm of memory, return of the "paradise lost".

Для большинства авторов автобиографических романов память осмысливается как категория рациональная, как фиксация осознанных фактов прошлого, говорение о прошлом языком настоящего, попытка воссоздать специфику мышления ребенка, но при этом структурировать его, пропустив

через цензуру сознательно-логического, «взрослого» восприятия. А.Белый в своей повести «Котик Летаев» пытается описать ДОсознательные и даже ДООбразные ощущения младенца («дотелесная жизнь одним краем своим обнажена... в факте памяти», «Первое подобие образаросло на безо'бразии моих состояний» [1: 315]) стилем, коррелирующим с этой предрациональностью: «Подозрительно я встречаю гостей – профессоров и директоров казенных гимназий, потому что я знаю про них: – все они – У к р а щ е н и я; и потом еще: все они – изваяния; они украшают И м п е р и ю..., они крепколобы... бьются лбами о стены они; и все прочие мне говорят, что «п р о ф е с с о р» – м а с т и т о с т ь – то есть то, что мостят...» [1: 377]. А более или менее связные фрагменты предваряются оговоркой: «...если б мог я сказать, то сказал бы я так...» [1: 406], обнажающей и несовершенство вербализаторских способностей ребенка, и блаженно-мучительную немоту подлинного пророка. Мотив страдания от немоты, «безъязыкости» не раз возникает в «Котике Летаеве»: «...не умею высказать ничего; все-то думаю: что бы такое придумать: – слова – кирпичи: чтобы выразить, нужно упорно работать мне в поте лица над сложением тяжело каменных слов; взрослые люди умеют проворно сложить свое слово» [1: 452] – но это не просто переживания ребенка, не умеющего пока облечь свои переживания в словесную форму, а все тот же символистский «комплекс неполноценности»: мука от недосказанности, недоговоренности, утаенности смысла своих творений – и невозможность окончательного воплощения: «Свой путь Андрей Белый осмыслял как поиски языка, как борьбу с творческой и лично-биографической немотой. Однако эта немота осмыслялась им и как проклятье, и как патент на роль пророка...Андрей Белый отводил себе роль пророка, но роль истолкователя он предназначал тоже себе» [4: 437]. Это определяющее всю мотивную структуру повести уподобление «ребенок – символист» реализуется и в особом, символистском понимании категории памяти. Детские игрушки воспринимаются лирическим героем как «проводники» в царство подлинного смысла, в «таимые комнаты смысла»; плоское сознание взрослого скользит мимо них, и потому оно обречено оставаться на поверхности, но если преодолеть эту обыденность, то возвратится детство, откроется – на новом уровне – единственная подлинная реальность: «...впечатления эти живут и во взрослых; но живут за порогом обычного кругозора сознания; сознавание взрослого занято кругом иных впечатлений: в них втянуто; потрясение иногда, отрывая сознание от обычных предметов, погружает его в круг предметов былых впечатлений; и – возвращается детство. Только этот в о з в р а т – п о - и н о м у» [1: 411]. Это возвращение в пространство «памяти о памяти» уже не бессознательным младенцем, а посвященным, познавшим иные миры и есть то, к чему стремится Белый-символист – преодолеть повседневность взрослого сознания и вновь стать ребенком – но – помнящим о своей взрослой жизни.: «...мы, играя, – вернемся» [1: 412]. Таким образом, невысказанность, недоовоплощенность, смысловая неотчетливость текста оказываются единственным способом сохранить тайну мира и первозданное ощущение замороженности этой тайной – и вместо прямого названия предметов

лирический герой предпочитает использовать разнообразные местоимения, лишь указывающие, а не напрямую называющие: «...за окнами... блистает тот самый (а кто, ты – не знаешь)...» [1: 414]. «Жизнь моя началась в безо'бразии: и продолжилась – в образы» [1: 336] – замечает автобиографический повествователь, поэтому не случайно постоянное стремление героя вернуть обычным вещам их подлинный смысл, снять приросшую оболочку «образов», вернувшись к блаженному первоначальному «безо'бразию». В качестве средства для осуществления этого стремления лирический герой видит преобразование языка, превращение его в «райский праязык», в котором сам звук является смыслом, символом, а звук, образ и понятие находятся в символической связи. Обоснование Белым новой, особой теории языка, оформившейся под влиянием штейнеровской эвритмии, производится им в «Глоссолалии», где постулирована связь между эволюцией космоса и звуков («...звуки речи – есть память о памяти,... стране детства» – [2: 130]. Главную проблему для Белого и в теоретическом, и в духовном плане представляет искание аутентичного языка для выражения нового мироощущения и интенсивности мистического переживания. О своем стремлении найти новый язык (или вернуть старый, древний) писал Белый еще в работе «Магия слов», утверждая, что воскрешение «живого слова» есть средство синтеза внешнего и внутреннего мира личности, оно связывает внутреннее бессловесное бытие в внешним бессловесным бытием, сливает внешний и внутренний хаос воедино: «Слово создает новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и тайны мира, внутри меня заключенные; мир внешний проливается в мою душу; мир внутренний приливается из меня в зори, в шум деревьев; в слове, и только в слове воссоздаю я для себя окружающее меня извне и изнутри, ибо я – слово и только слово» [3: 131]. Отсюда в «Котике Летаеве» многочисленные примеры воскрешения внутренней формы слова, воплощающие движение к пралингвистической реальности, к живому слову, творящему мир: «П о п, п о о п ы, п о п а д ь я, п р о с ф о р а, п р о с в и р н я – слова, которые меня просветили; главным образом – бабушка..., ее я считал – п о д п р о с в и р н е ю; бывало – она перекрестит; бывало – подсунет мне в руку ... “п р о с в и р к у»...[1: 447], «...в бестолочь разбиваются бреды; и из толока – толчеи – мне слагается: толк» [1: 381]. Вернуть «утраченный рай» лирический герой пытается с помощью воссоздания особого ритмического состояния мира и человека, растворяющего индивидуума в космической стихии музыки и тем самым как бы вновь воссоединяют его с живым бытием. Именно поэтому развитие автобиографической темы явно не подчиняется законам логики и здравого смысла – важнее оказывается мелодия текста («...мир расплавлен в ритме, так что уже нет ни земли, ни неба, а только – мелодия мироздания...» - писал А.Белый в статье «Песнь жизни» [3: 170]. Многие фрагменты текста легко укладываются в звучание того или иного стихотворного размера: так, строка «Как он там – на трубе, далеко-далеко, выдается изогнутым контуром» [1: 339] задает анапестическую инерцию, а многие строки представляют собой даже рифмованную прозу: «о старом Адаме, о рае, об Еве, о древе, земле! --

обо мне: о добре и о зле! -- Начинаю мечтать; принимаюсь кричать...» [1: 419]. Не случайны в «Котике Летаеве» и постоянные музыкальные ассоциации: тетя Дотя наигрывает на пианино какую-то мелодию и уподобляется в сознании героя минорной гамме, вызывая целую вереницу ритмических образов – тиканье часов, падение капелек в рукомойнике, марширующий за окном строй солдат и т.д. – логика «нанизывания» образов определяется только их ритмическим единством. Звуковая логика в «Котике Летаеве» явно важнее смысловой, и последовательность воспоминаний подчиняется не причинно-следственной связи, а развертыванию паронимических рядов: «В нас мифы – морей: «Матерей»..., «в них ребенок бродил; в них и бредил» [1: 314]. Повседневная «взрослая» реальность – это мир раз и навсегда заданных значений, мир мертвых слов, мир стабильной семантики. Автобиографический герой, стремясь вернуться в исходное состояние «праязыка», разрывает жесткую связь означаемого и означающего и «заставляет» означающие свободно блуждать в пространстве и складываться всякий раз в новые комбинации. «Детский язык» – это не сцепление понятий – это «танец созвучий», завораживающих человека, подобно сладкогласной сирене: «...поражает звук слова «Кре-мль»: «Кре-мль» – что такое? Уж «крем-брюлэ» мной откушан; он – сладкий; подали его в виде формочки – выступлениями; в булочной Савостьянова показали мне «Кремль»: это – выступления леденцовых, розовых башен; и мне ясно, что – «кре» – крепость выступцев (кре-мля, кре-ма, кре-пости), а: – м, мль – мягкость, сладость...» [1: 364]. Пульсация смыслов, рождение одного слова из другого, установление родственных связей между словами семантически чуждыми, возникновение разнообразных фонетических эмоций – вот та желанная языковая вселенная, к которой стремится лирический герой. Ритм для автобиографического героя Белого – это не просто «техническое» понятие, а мировоззренческая категория; это дионисийская музыка, универсальная метафизическая сила, управляющая миром, отождествляемая Белым с категорией памяти: «Память о памяти – такова; она – ритм; она – музыка сферы, страны – где я был до рождения» [1: 362]. Память о досознательном существовании не строится на каком-либо понятийном или образном ряде, «и в мимическом жесте (не в слове, не в образе) встает память о памяти... Память о памяти такова; она – ритм, где предметность отсутствует; танцы, мимика, жесты – растворение раковин памяти и свободный проход в иной мир» [1: 403]. Таким образом, большое значение приобретает в автобиографии Белого сам ритм, музыкальная партитура оказывается важнее фабульного каркаса (не случаен первоначальный подзаголовок повести – «симфоническая повесть о детстве»). Именно музыка становится в автобиографии Белого тем средством, которое способно растворить «раковины памяти» и открыть свободный проход в иной мир, в «гармонию бесподобного космоса [1: 401]; природа этой прапамяти, «памяти о памяти» – ритмическая: «...память о памяти – такова; она – сладкий ритм; она – садилась в пьянино; и раздавалась – нам в комнаты...» [1: 401], она проступает в причудливых сочетаниях семантически полых, но фонетико-артикуляционно емких звуков, в бесконечном лабиринте комнат, в вихрях

ритмов, в прихотливом сплетении непонятных линий, в колебаниях «риз мира». И не случайны в таком случае грамматические предпочтения автора: существительные с довольно четкой семантикой неприемлемы для него, он предпочитает чистое действие глаголов, способных создать динамический иероглиф прошлого бытия: «...это все выросло из звуков: кипело, гремело, рыдало, носилось, блистало...» [1: 407]. Триада память – ритм – музыка символизирует для лирического героя «Котика Летаева» его досознательное прошлое, которое он так страстно стремится вновь обрести. И потому у человека не может быть словесно оформленных впечатлений от первых миг жизни – это «обнаженные» мысли и чувства, не материализованные в слове, вихри ритмов, трепещущих пульсов, летящих спиралей – блаженное состояние для автобиографического героя, напоминающее о прежней вселенной. И поскольку все воспоминания автобиографического героя имеют прежде всего ритмический характер («...возникают во мне соответствия – и в мимическом жесте (не в слове, не в образе)...» – [1: 403], сама автобиография оказывается лишенной той ясности и определенности смысла, которые обычно способствуют читательскому запоминанию текста – от «Котика Летаева» остается только смутное воспоминание и узнавание при повторном прочтении: модель читательского восприятия совпадает с мировосприятием автобиографического героя.

Литература

1. Андрей Белый. Серебряный голубь: Повести, роман. – М.: Современник, 1990. – 605 с.
2. Андрей Белый. Глоссолалия. Поэма о звуке. – Берлин: Эпоха, 1922. – 162 с.
3. Андрей Белый. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
4. Лотман Ю. «Высокое косноязычье» // Андрей Белый. Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сборник / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. — М.: Советский писатель, 1988. – С.437 – 443.